

Из серии *Воспоминания.* Ностальгически-голодные

Девяностые годы. Огромная страна, или, как сейчас принято говорить, «империя», распалась. Хотя какая там империя! Не стало страны беззаботного детства, солнечных зайчиков на школьной доске, вкуснейших хлебных сухариков под матрацем в пионерском лагере у моря и почётного звания «лучший барабанщик смены». А ещё школьных тимуровских команд и дискотек, студенческих посиделок на дому под дешёвое вино и массовых мероприятий типа сбора макулатуры или майских демонстраций, заканчивающихся опять-таки посиделками с танцами под то же вино. И добрых соседей, готовых помочь, и бескорыстных дружеских отношений. А главное - искренней веры, что живём в самой лучшей стране.

И вот эта страна распалась.

Начался так называемый «парад суверенитетов». Многочисленные народы пришли в движение.

Изо всех новообразовавшихся государств стали недобровольно уезжать представители «нетитульных» наций. Армян «попросили» покинуть Азербайджан, грекам стало неуютно в Грузии, а русские почувствовали на себе, что такое тяжёлая еврейская доля: быть нелюбимыми и нежелаемыми везде.

Вчерашних соседей, коллег и друзей стали выдавливать отовсюду. Не знаешь латышский - изгой без гражданства; не узбек - не имеешь права оперировать и преподавать; не османско-азербайджанских кровей - твоя квартира теперь уже моя квартира.

Народ стал перемещаться, нарушая закон сохранения энергии: масса по периметру сохранялась, а энергия росла. Энергия недовольства, обиды, страдания и зла.

Украина тоже обрела независимость, как и её многочисленные родные, двоюродные и даже приёмные сёстры и братья. Независимость-то она обрела, но потеряла девственность и целомудренность. В очередной раз. И как всегда, без любви и особого удовольствия.

Нарушенные отношения, потерянные культурные, социальные и экономические связи - всё рухнуло в одночасье, погребая под собой сложившиеся устои и вообще, казалось, нормальную человеческую жизнь.

Чтобы выжить и хоть как-то существовать, страна, как и любая саморегулирующаяся система, была вынуждена перейти на аварийное обеспечение только жизненно важных органов и отключить малозначительные - то есть те, без которых прожить можно.

Плохо, трудно, недолго, но существовать. Таким образом на Украине отключили, в числе прочих, медицину и образование.

Например, мы в больнице два года вообще не получали зарплаты. От государства. Никакой.

Как выжили? С трудом и потерями. Болью и обидой. С комплексом неполноценности и нарушенной психикой. Настолько нарушенной, что до сих

пор, спустя почти тридцать лет, не даёт себя забыть весёло-грустными воспоминаниями.

Как вы думаете, кто в те времена был самой важной персоной в клиническом роддоме? Человеком, без которого медицинское учреждение не могло нормально функционировать? Думаете, это заведующий кафедрой мединститута? А может заведующий отделением оперативной гинекологии? Тоже нет. Ключевым звеном стала сестра-хозяйка. Помните этих женщин - сильно за... с солидным и неоднозначным жизненным опытом и таким же весом. В их обязанности входило выдавать плохо стиранное постельное бельё и половые тряпки для уборки.

Но во времена социальных перипетий менялись и социальные статусы.

А хотите, я сейчас поделюсь секретами, раскрою схемы, выдам технологии недоразвитого капитализма тех лет в отдельно взятой больнице? Благо за сроком давности все участники многоплановых комбинаций уже неподсудны. И надеюсь, не осуждаемы.

Итак. Вводные данные: голодный врач - больной больной. Это априори с аксиомой, вместе взятые. В смысле, шансы пациента перейти в разряд здоровых сохранялись, но несколько уменьшались. Вставал закономерный вопрос: что делать? Ответ: накормить врача. Сытый врач - хороший врач. Как, если денег нет ни у кого? Всё просто - натуральный обмен.

Работала схема примерно так: существовали конкретные расценки для каждой плановой операции. Например, серьёзная гинекологическая операция «стоила» примерно мешок картошки, два килограмма мяса, три десятка яиц и сколько-то там литров молока и сметаны.

При поступлении пациента в больницу именно сестра-хозяйка просвещала его о расценках, принимала в свои натруженные руки дары природы, и она же потом распределяла всё полученное между всеми участниками трудового десанта. Свою долю получали все: хирурги, анестезиологи, медсёстры и даже санитарки.

Свой законный процент имела и сестра-хозяйка.

И конечно, главный врач. Не за собственное финансовое бессилие, а за молчаливое согласие.

Никто не голодал.

И ещё один секрет школы выживания медиков тех лет. Помните, тогда на улицах появились многочисленные ларьки, торгующие, в основном, жвачками, сигаретами и самодельным алкоголем. Вокруг нашей больницы их было десятка два. Народ, идущий на приём к врачу, покупал бутылку контрафактного алкоголя и несъедобные конфеты и преподносил врачу. Врач вежливо благодарил и... складывал бутылки в диван. Вернее, в наш огромный Диван с большой буквы «Д», стоящий в ординаторской.

Два десятка врачей и десятков кафедралов. В конце недели в Диване накапливалось изрядное количество спиртного. В основном, ненастоящего, о чём знали и дарящие, и одариваемые.

Сестра-хозяйка брала в пятницу двух крепких студентов, загружала содержимое Дивана в огромные баулы и относила... обратно в те же самые

киоски. За полцены. На эти деньги она покупала уже настоящий(!!!) алкоголь для выпивающих врачей и хороший кофе со сладостями для трезвенников.

От жажды не страдал никто.

Так и жили.

*****

Нового заместителя главного врача по хозяйственной части звали Ашот. Он был армянин и, по его словам, беженец из Карабаха, а потому казался человеком предприимчивым, хоть и слегка авантюрным, что во времена больничного безденежья было совершенной находкой.

Совещание у главного врача назначили на 16:00, сразу после окончания операционной программы. Присутствовали все заведующие отделениями и Ашот.

Слово взял главный:

- Значит так, уважаемые товарищи, а также дамы и господа, у меня хорошая новость: наш Ашот объездил полстраны и таки привёз еду! - Присутствующие оживлённо задвигали попами на стульях, а в глазах появился голодный азарт. - Восемь тонн картофеля, две тонны лука, по тонне перца и помидоров, двести килограммов яблок, тысячу яиц и... две свиньи. Яблоки я отдам на кухню для детского отделения, остальное поделим... - он сделал паузу, - между средним и младшим медицинским персоналом.

Главный врач был сыт после обеда и потому демократично либерален. Голодные присутствующие сглотнули слюну и обиженно замолчали.

- А мясо? - тихо, почти шёпотом, протянул заведующий стоматологией.

- Мясо? Хм, тут проблема. Дело в том, что мясо - оно... живое. Пока ещё. И его надо, так сказать, привести в состояние еды. Место для... операции есть - морг, лучше не найти. Осталось выяснить, кто решится на... тяжкие телесные повреждения, не совместимые с жизнью... так сказать, убить животину. Добровольцы есть? Добровольцев не было.

Мы сидели, опустив глаза в пол, не желая показывать свою заинтересованность в еде и незаинтересованность в приобретении навыков патологоанатома.

- Я - стоматолог. Я и в морге-то один раз в жизни был, ещё в институте. И мне уже тогда стало плохо. Нет, я не смогу! - зав. стоматологией сделал вид, что он вообще не врач, а так, только по зубам.

Главный педиатр, предвкушая уже запах яблок в отделении, тоже сразу попытался соскочить с группового преступления:

- Я так вообще не хирург, а в таком деле навыки специальные нужны. Хирургические.

Заведующая терапией испуганно-радостно по-китайски закивала головой в знак согласия: «Да, да, конечно».

Все дружно, словно по приказу, повернулись к главному хирургу, травматологу и гинекологу. Заведующие неврологией и кардиологией облегчённо расправили плечи. Я был самый молодой и потому, наверное, самый быстрый. И находчивый. И решил проявить инициативу, начав первым:

- Я, например, не уверен, что эти свиньи... эти животные, что они вообще женского пола. Никто же не знает точно. А я гинеколог. А если они окажутся

мужчины-свиньи, вернее, свиньи-мужчины, так сказать? Поди там потом разберись. Нет, я не справлюсь. Не мой профиль.

- Кто возьмётся, тому отделению половина туши, - главный врач пошёл на должностное преступление, подкупая коллег... мясом.

- Ну, если потом... после всего уже, надо будет разделать там... по костям, я, может быть... инструменты же для костей есть... - травматологу очень хотелось мяса для отделения, но не хотелось заниматься свиноубийством.

Самый старший из нас и самый заслуженный, заведующий хирургией, солидно встал, долго протирал снятые с запотевшей переносицы очки, потом гордо поднял голову и решительно, с пафосом произнёс:

- Я - врач. Хирург. Уже больше тридцати лет. Да, у меня, случалось, умирали пациенты на операционном столе. Но никогда! Слышите? Никогда я не убивал никого умышленно. Никогда! Я хирург, а не убийца! - и столь же торжественно сел, забыв поклониться.

Собрание закрыли, ввиду явного непрофессионализма присутствующих.

Эпилог

Через пару дней Ашот нашёл специалиста. Он всё сделал. При этом количество мяса уменьшилось на десять килограмм. Оставшееся мясо обиженный главный врач отправил на кухню для кормления пациентов.

Врачи не получили ничего.

*****

В конце февраля и преддверии Дня защитника Отечества на доске объявлений у кабинета завхоза появилась следующая бумага: «Желающие приобрести мужские импортные итальянские туфли в счёт задолженности по зарплате могут обращаться к Ашоту. Цена за пару - зарплата за два месяца по Perezachetu».

Зарплат не было и не предвиделось, а праздники неумолимо приближались. Обрадованные женщины - работницы больницы - выстроились китайской стеной у кабинета зам. главврача по хозяйству. Одиноким заблудившихся мужчин отшивали со словами: «Нам подарки для мужей нужны. А вам пусть ваши жёны достают».

Сказать, что туфли «раскупили» в счёт несуществующей зарплаты моментально, - значит не сказать ничего. Все триста пар новеньких шикарных блестящих чёрным лаком итальянских туфель смели за считанные часы. И в ближайшие несколько дней медицинское учреждение зажило обувью. Размерами обменивались и просто так, и с доплатой. Ходовая пара 42-43 размера шла в обмен уже на две пары 37 или 47. Ходили слухи, что одна пара 43 размера была обменяна на возможность уйти в отпуск летом. Незамужние женщины предлагали туфли в качестве приданого, замужние - в награду за прочие семейные блага.

До праздников оставалось два дня, когда на «вратах рая», а вернее, на всё той же доске для объявлений, появилось уже следующее сообщение. Короткое и лаконичное:

«Женские демисезонные полусапожки на молнии. Только двести пар. Чёрные. Италия. Цена - четыре зарплаты. Домой ко мне не приходите. Ашот».

И тут такое началось, вспомнить и страшно, и стыдно. Сапоги хотели все: и мужчины, и женщины. Готовых продать душу за ноги оказалось немало. Нет, до убийств не дошло, но подкупы, ссоры, интриги и многоходовые комбинации с привлечением всё тех же мужских туфель стали обычным распорядком дня страждущих приобщиться к европейской моде.

Мне по благу досталась пара подходящего 38 размера. Ашот выдал лично из собственного резерва. Полусапожки были... изящной заграничной штучкой, красиво, но неудобно сидящей на ножке.

Вечер, посвящённый Международному женскому дню, напоминал выставочный зал итальянской провинциальной обувной фабрики, работники которой были обязаны ходить исключительно в собственной продукции. Несколько сотен ног гордо сверкали лаком шедевров сапожного мастерства.

Ашот пропал сразу после продажи последней пары сапог. Кабинет остался открытым, был пуст, лишь в мусорном ведре лежала разлетевшаяся на кусочки, но всё ещё сверкающая лаком, пара мужских туфель. Коллектив больницы стоял почти в полном составе у дверей главного врача, требуя объяснений, почему туфли распадались при первой же носке, а сапоги таяли, в буквальном смысле этого слова, под дождём. Главврач недоумённо разводил руками, показывая собственные пары скоропостижно скончавшейся обуви. Вопросы остались без ответов. А народ без обуви и без денег.

Всё разъяснилось значительно позже, когда в областное управление здравоохранения приехал разбираться приятный молодой итальянец с соответствующей фамилией. Хозяин небольшого похоронного агентства и принадлежащей ему фабрики по изготовлению картонной ритуальной обуви на юге Италии требовал объяснить, зачем медицинскому управлению понадобилось столько обуви для покойников. И почему так срочно. А ещё, где его деньги за уже поставленную пробную партию туфель и сапог. Но главное, с кем подписывать договор о следующей крупной партии в три тысячи штук. Он показывал бланки с печатями министерства здравоохранения, облздрава, нашей больницы и ещё

Б-г знает чего. Бледные ответственные лица клялись в своей непричастности, божились, что деньги были выданы на руки завхозу больницы под расписку, и торжественно обещали покарать виновных по всей строгости военного времени.

Эпилог

Почему юный махинатор заявился именно в нашу больницу, мы не узнали никогда. Равно, как и возможную причастность к этой истории руководящих звеньев гениальной комбинационной цепи. До нас доходили слухи, что молодой человек проявил себя и в других регионах страны, но был ли пойман, мы не ведали.

Оставалась только надежда, что когда-нибудь, когда придётся, нас тоже оденут в не менее красивую обувь.

*****

Была ранняя весна, светило солнце, у птиц начинался период заигрывания, а в продаже появились мимозы. Запахло свободой, предчувствием любви и неудержимой тягой к перемене мест. Названия из далёкого детства «Занзибар» и «Мыс Доброй Надежды» манили, как мечта, своей несбыточностью. Мне стало

тесно дышать, и я решил уволиться. Предполагалось, что заработанное, но не выплаченное за два года, окажется достаточным для нового забега в ширину.

«Прошу уволить меня по собственному желанию с окончательным расчётом задолженности по зарплате», - я был наивен и полон надежд на светлое будущее.

«Уволить», - главный врач оказался краток, выдавая свой неразборчивый хирургический почерк за сестру таланта.

С его подписью я отправился в бухгалтерию.

- Мадам, мне бы денег. Немного. А то тут брат Петруха помирает, ухи просит, - я сделал вид, что обладаю чувством юмора.

Надежда была исключительно на знание главным бухгалтером больницы классики советского кинематографа.

- Денег нет, - лицо её напоминало выражение сфинкса и опытного игрока в покер одновременно. Такое же потрескавшееся и непроницаемое.

- Мадам, ну как же так, тут же написано... Мне бы заработанное за два года... - закланчил я, притворяясь тупым.

- Что я вам деньги рожу, что ли?! - представить эту картину воочию мне мешали отсутствие фантазии и обида за свою специальность.

- Я готов принять эти роды, если у вас таки получится забеременеть, - в моих словах звучала нескрываемая гордость за своё врачебное призвание и терпимость.

- Идите вы... к главному, - она раздражённо сделала вид, что меня уже здесь нет.

Двести метров от бухгалтерии до приёмной главного врача я пробежал с новым мировым рекордом. Но звонок из бухгалтерии оказался быстрее. Главврач сидел с видом несчастного человека, обременённого грузом нерешаемых проблем мирового масштаба.

Много лет назад, когда мы были молодыми начинающими врачами, мы дружили. Но потом его дядя по материнской линии стал влиятельной особой в областном управлении здравоохранения, и мой друг внезапно стал главным врачом. И бывшим другом.

- Слушай, там эта тётка в бухгалтерии сказала, что... - я задыхался от быстрого бега и возмущения.

- Денег нет, - его лицо показывало однозначно, что в покер он играл лучше меня. И даже лучше бухгалтерши.

- Может резервы какие-то, может из твоего фонда, может... - я стоял на паперти с протянутой рукой.

- Какие резервы?! Мне вон пациентов в инфекционном кормить нечем, - страдающе-негодующе прослезился главный врач.

- В инфекционном понос, рвота и нулевая диета. Им кушать противопоказано, - я показал свои широкие познания в медицине.

- Денег нет! Совершенно! - отрезал он устало, но решительно, давая понять, что аудиенция закончена.

- А три твои аптеки? А частная клиника на имя твоей супруги? А хозрасчётное отделение старшего сына?! - я неосмотрительно пошёл ва-банк, совершенно не зная правил игры в покер.

- А ты мои аптеки с государственными не путай! - главный громко и гневно продемонстрировал, что он тоже неплохо знает советский комедийный репертуар.

Мы взяли паузу.

- Дам за шесть месяцев. Но подпись поставишь за два года. Это окончательно! - он, не мигая, смотрел в упор, сам поражаясь своей невиданной щедрости.

- Деньги за полгода и подпись за полгода! - во мне проснулись узнаваемые

черты национального характера.

Лицо главного позеленело, пальцы побелели, а выдох от возмущения задержался на три минуты. Мы оба смотрели фильм «Театр», нам обоим нравилась фраза о длине взятой паузы, которую надо держать до победного конца. Каждый выжидал следующего хода соперника.

- Значит так: деньги дам за девять месяцев, но подпишешь полностью, - главный надеялся, что словосочетание «девять месяцев» зазвучит в моих акушерских ушах волшебной музыкой.

- Возьму, сколько дашь. Остальное поеду выбивать в облздрав, - у меня никогда не было музыкального слуха.

И снова театр, и снова пауза.

- Ладно, чёрт с тобой, отдам последнее, что держал для ремонта детского отделения! Бедные дети... Правда, денег больше, чем за год, нет. И то по старой дружбе. Денег нет вообще, честно, слово даю. Или бери, что есть, или можешь ехать жаловаться куда хочешь, - на его лице ясно проступила вся «любовь» к моей национальной принадлежности.

- Благодарствуйте, батюшка. Спасибо, отец родной! - я порывался растроганно облобызать благодетеля. - Ладно, возьму, что есть. Остальное отдашь, когда построишь коммунизм в отдельно взятой больнице. Или семье. Будь здоров!

Игра закончилась полной и безоговорочной ничьей.

- Вот. Разрешил. Выдавайте! - я был искренне рад снова видеть главного бухгалтера.

- Разрешил? Хм. Ладно. Выдам! - она сделала вид, что была тоже рада меня снова видеть.

Главный бухгалтер была женщиной крупных форм, но весь сейф она загородить своим телом всё же не смогла. И я увидел. Денег в сейфе оказалось много. Очень. Всей больнице за два года конечно бы не хватило, но на несколько месяцев нормальной зарплаты... Я подумал о человеческой порядочности, вере в данное слово, цене дружбы и о неизлечимости этой породы людей.

- Что б вы все тут... забеременели невпопад! - не сдержавшись сгоряча вырвалось у меня.

Эпилог

По слухам, в течение года из восьми работниц бухгалтерии забеременели пять. Четыре сделали аборт. Одна была счастлива.

Будьте и вы здоровы и счастливы, не делайте, по возможности, аборты и отдавайте вовремя долги.

И не только материальные.

Ваш доктор Шаевич